

жр 2956
05
16413

№ 4.

Суббота, 28 Января, 1906 г.

Цѣна 10 коп.

ВЫХОДИТЬ НА
ОСНОВАНІИ
§ 6 СТ. VII ВРЕ-
МЕННЫХЪ ПРА-
ВИЛЪ О ПЕЧАТИ
ВМѢСТО
ЖУРНАЛА
БУРЕЛОМЪ.

БУРЯ

РЕДАКЦІЯ:
Николаевская, 2.
Пріемъ отъ 6 до
8 ч. ежедневно.

КОНТОРА:
Николаевская, 42.

Еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ.

«И куда мнѣ ихъ столько».

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Л. И. АНДРУСОНЪ, В. А. БАШКИНЪ, А. А. ВЕЙНБЕРГЪ, А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ, В. А. ВЕРЕСИАГИНА (ВЕТА), И. И. ГУРВИЧЪ, ДАЛАЙ-НОРЪ (псевдонимъ), ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ И. Ф. МАКСИМОВИЧЪ (художникъ), МРЧАТЕЛЬ (А. А. ТРОЗИНЕРЪ), И. С. РУКАВИШНИКОВЪ, А. С. РОСЛАВЛЕВЪ, СЕРГѢЙ СОЛОМИНЪ (псевдонимъ), В. В. ТРОФИМОВЪ, М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ, А. А. ЯНОВЪ (художникъ) и мн. др.

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала будетъ помѣщенъ фельетонъ А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Б у р я.

Безвозвратно отзвучали
Пѣсни скорби и печали,
Вѣтры буйные умчали
Робкій гимнъ молитвъ.

Дни могучіе настали,
Новыхъ звуковъ полны дали—
Плеска крови, звона стали,
Бурныхъ кликовъ битвъ.

Всплыли новыя картины,
Пали гордыя вершины
Гордыхъ замковъ, и руины
Пылью заросли.

Гдѣ, обрызгана росой,
Извивалася косою
Полоса за полосой
Вспаханной земли,—

Тамъ подъ дымкою тумановъ
Растянулася пѣнь кургановъ—
Пѣнь могилъ родныхъ титановъ,
Доблестныхъ борцовъ.

И глядятъ кругомъ порою,
Споря съ огненной зарей,
Стяги алые толпою
Герделивѣе крестовъ...

Гдѣ стучалъ проворный молотъ,—
Безопасный бродить голодъ,
Озлобленно вѣетъ холодъ
Въ сумракъ ночей.

Можетъ быть, въ былую пору
Больше свѣтлаго простору

Было трепетному взору,
Было для очей,

Но глядѣло все убого,
Какъ внезапная тревога,
Какъ у чуждаго порога
Безирютный людъ...

А теперь—о, какъ красивы,
Хоть и страшны, смерти нивы
И могучіе порывы,
И могучій трудъ!

Какъ безумно-величавы—
Зовъ героевъ, бой кровавый,
Трхій стонъ
На полѣ славы.
Затаенный стонъ!

Вѣйте-жъ, вѣйте, непогоды,
Мчитесь бѣшенно, невзгоды,—
Въ шумъ вашемъ духъ свободы,
Воли гордый звонъ...

ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ.

„Стучать молоты“

Фантазія.

Наступилъ сѣрый день. Солнце не свѣтило. Оно словно отвернулось и не хотѣло смотрѣть... Туманъ сдвигался, тѣснилъ дыханіе: «воздуху... воздуху»!...—шептало сердце въ груди. «Свободы... свободы!»—чуть слышно говорилъ умъ, отыскивая въ больномъ мозгу пластинку, которая бы сильнѣе воспроизвела его желаніе. «Не мѣшайте мнѣ жить!»—хотѣлъ крик-

Фельетонъ.

Ш у т ы.

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками
И въ бубны блестяшіе били...
Шуты короля хоронили!

«Король нашъ, король нашъ веселый!
Кто силаетъ чудеснѣй,
Кто-жъ съ пьяною пѣсней
Осушить твой кубокъ тяжелый?
Король нашъ, король нашъ веселый!»

Шуты короля отпѣвали,
А красные двое,
Кривляясь и вой,
Ручками могилу копали...
Шуты короля отпѣвали...

«Король нашъ, король нашъ безумный!
Палачъ усмѣхнется,
Тебя не дождется
Палачъ твой на площади шумной...
Король нашъ, король нашъ безумный!»

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками
И въ бубны блестяшіе били...
Шуты короля хоронили!

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Однажды ночью.

I.

Въ одну изъ зимнихъ ночей, когда метель съ жалобнымъ воемъ билась за мою окномъ, а вѣтеръ яростно взмывалъ къ черному безвѣздному небу свѣжныя волны—они вошли ко мнѣ, дрожащіе отъ стужи, объявляя непогодой.

Ихъ было двое: отецъ и сынъ, старикъ и подростокъ.

Я съ трудомъ узналъ ихъ и вспомнил...

Вспомнилъ залитый солнцемъ лѣтній день. Мужчины и женщины, старики и подростки—стояли среди деревьевъ, сидѣли на землѣ... Причудливымъ узоромъ прорѣзались сквозь зелень лучи солнца и яркими пятнами ложились на изможденные лица, на мозолистые руки, на пропитанную копотью и потомъ одежду... Толпа сосредоточенно слушала... Молчали и молодые кудрявые деревья, какъ будто задремавшія подъ знойнымъ дыханіемъ безоблачнаго неба. Только среди могилъ, гдѣ печально и кротко чернѣли кресты—звенѣли кузнечики въ сочной травѣ.

Отецъ и сынъ—стояли рядомъ.

Старикъ говорилъ съ обнаженной головой; сѣдина, сверкая на солнцѣ, казалась свѣлымъ ореоломъ вокругъ потемнѣвшаго, изрѣзаннаго морщинами, хмураго лица. Призывъ и страданіе звучали въ его голосѣ и каждое слово старика отражалось во взглядѣ подростка, устремленномъ туда, гдѣ на

фонѣ свѣтлой лазури гигантскими черными вѣхами мрачно высились фабричныя трубы и громоздились дома.

Кончилъ старикъ свою рѣчь и умолкъ. Безмолвны были и хмурыя лица вокругъ. И въ этомъ молчаніи чужалась нарастающая сила, чужалось приближеніе бури... Я видѣлъ какъ въ глазахъ подростка, словно молнія, вспыхивали огоньки и какъ высоко и часто вздымалась юная, еще не окрѣпшая грудь.

Прошло не мало дней...

Прошли недѣли, мѣсяцы...

Давно отзвенѣли кузнечики. молодые деревья потеряли свой пышный нарядъ; могильные холмы покрылись бѣлоснѣжною ризой и надъ кроткими крестами могилъ каркали стаи черныхъ, неуклюжихъ птицъ. Изъ высокихъ фабричныхъ трубъ выползали клубы ѣдкаго густого дыма и медленно двигались по мутному сѣрому небу.

Въ одинъ изъ такихъ дней я встрѣтилъ толпу людей.

Она чинно и молчаливо двигалась по улицѣ.

Впереди толпы я увидѣлъ ихъ: старика и подростка, съ обнаженными головами.

Отецъ и сынъ шли рядомъ.

Навстрѣчу имъ изъ-за угла показалась сѣрая, стройно колышущаяся масса.

Она приближалась медленно и надъ нею что-то свѣтилось холоднымъ стальнымъ блескомъ.

Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ больше ни старика, ни подростка.

.....

нута человекъ, да такъ, чтобы его услышали и лѣсъ, и горы, и широкая степь, но у него не было для этого ни права, ни силы, ни воли... Тихо было кругомъ. Тѣ, что сознавали свое человѣческое безправіе, не имѣли тверческаго голоса, который бы разбудилъ заколдованную красавицу — Свободу, томившуюся въ плѣну у Церберовъ. Порою они, какъ черепаха, обезличенная толстой броней, высовывали головы изъ своей скорлупы, но едва имъ угрожала опасность, они тотъ же часъ прятались. Люди — черепахи, считая себя благородными животными, начинали иногда говорить человѣческимъ голосомъ, но стоило только церберамъ разинуть пасть и они становились безгласными...

А тамъ, внизу, стучала молоты. Они безъ умолку бились о наковальни. Подъ ихъ ударами слабѣла сталь, вытягивалась и изъ толстаго, грубаго куска превращалась въ пластинку. Подъ стукъ молотовъ кузнечный мѣхъ то опускался, то поднималъ свою могучую грудь. Она дышала весьма легкими и разжигая сердце свое пламеннымъ огнемъ, закаливала сталь.

Въ этотъ сѣрый день стука молотовъ черепахи уже не слышали. Онѣ высунули изъ своей скорлупы накрахмаленныя шейки и стали загадочно переглядываться: тамъ, въ кузницахъ, царила мертвая тишина.

— Пошли...

— Кто?

— Тѣ, что ковали сталь!

— Куда?

— Къ Церберамъ.

— Зачѣмъ?

— Освободить красавицу — Свободу.

— Да вѣдь она заколдована! Она спитъ

непробуднымъ сномъ. Ее держать у себя въ плѣну нечистая сила!

— А захватили они съ собой что изъ дня въ день ковали?

— Нѣтъ. Оставили въ кузницѣ. Они взяли съ собой только Евангеліе.

Они шли, закопченные дымомъ. Въ молистыхъ рукахъ они держали кресты и хоругви. Ихъ окружали жены, дѣти и матери. Бѣлый снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Изъ рваной обуви торчали голые пальцы. Подъ пальцами таялъ снѣгъ. Они шли. Ихъ вдохновляла Надежда. Жены, дѣти и матери шептали молитвы...

Остановились. Ихъ встрѣтили залпами. Тысячи пуль съ трескомъ разлетѣлись по толпѣ. Бѣлый снѣгъ покрылся кровью. Они валялись, какъ скошенная трава. Снѣгъ краснѣлъ и таялъ въ теплой крови. Безглазая смерть, стуча желтыми костями, считала добычу. Она заключила союзъ съ Церберами.

Сѣрый день плакалъ... Черепахи вытирали слезы.

Ночью слышались стоны умирающихъ. Среди живыхъ нарождалось Проклітіе. На слѣдующій день опять застучали молоты. Закаленная сталь заострялась въ тонкое лезвіе, Она сверкала, какъ сотни тысячъ человѣческихъ глазъ, зловѣще и мстительно.

Тяжело дышала кузнечный мѣхъ. Въ его пылающемъ огнѣ плавилась сталь. Изъ глубины своего сердца мѣхъ выжималъ металлические звуки: ме... ме... ме... те... те... те...

ДАЛАЙ-НОРЪ.

Изъ пѣсенъ грядущаго.

На площади ярко горѣли костры...
Народъ, опьяненный побѣдой,
При звонѣ литавровъ, при звукѣ роговъ,
Сжигалъ своихъ старыхъ боговъ.

Изъ капищъ священныхъ, изъ древнихъ храминъ,

Дотолъ великихъ и грозныхъ,
Побѣдный народъ на телѣгахъ простыхъ
Возилъ истукановъ златыхъ.

И всѣхъ онъ кидалъ въ безпощадный огонь...
И тѣ, кто вѣками царили,
Въ чью честь сжигали рабовъ на кострахъ,
Разсыпались въ пепелъ и прахъ...

Народъ бушевалъ, какъ могучій титанъ,
Сорвавшій позорныя цѣпи...
И, цезаремъ ставъ, онъ по-царски топталъ
И жегъ драгоценный металлъ...

Когда же угасли огни на кострахъ,
И съ ними исчезли кумиры,
Отъ пепла очистили площадь, и тамъ
Великій возвысился храмъ.

Свободные люди воздвигли его,
Какъ символъ грядущаго Мира,
Чтобъ онъ надъ воскресшей, великой страной
Сіялъ красотой неземной!

МАТВѢЙ М.

II.

Старикъ сидѣлъ въ углу и согрѣвалъ дыханіемъ заочевѣвшія руки.

Я взглянулъ на подростка и въ полумракѣ мнѣ почудилось нѣчто безобразное... Я подошелъ ближе, еще ближе... въ испугѣ отступилъ: передо мной стоялъ уродъ.

Какъ-то нелѣпо и дико выдѣлялась въ сумракѣ голова подростка — съ обрубленными ушами!

Глубокая и пустая глазная впадина чернѣла отвратительно и зловѣще. Смертью и ужасомъ вѣяло отъ изуродованной головы, одной стороной своей походившей на безжизненный черепъ...

Мнѣ стало жутко и я невольно попятился...

— Что это... что съ вами сдѣлало?!

Отецъ и сынъ молчали. Зато единственный глазъ подростка вдругъ засвѣтился. Казалось, въ немъ сверкнула ослѣпительная молнія ненасытной мести, казалось, всѣ затаенныя муки, всѣ мысли, всѣ стремленія изстрадавшейся юной души съ необычайной силой вспыхнули и отразились въ этомъ страшномъ взглядѣ! Вспыхнула — и погасла.

Я вспомнилъ тусклый зимній день, толпу людей съ обнаженными головами, вспомнилъ сѣрую стройно колышавшуюся массу, холодный стальной блескъ и... больше не спрашивалъ: все стало понятно.

Старикъ заговорилъ и голосъ его звучалъ какъ надорванная струна.

Метель глухо выла за окномъ и вторила повѣсти старика.

Это была печальная повѣсть двухъ заживо погребенныхъ людей, выброшенныхъ за бортъ жизни.

И когда это случилось — день сталъ для нихъ ночью, а ночь стала днемъ. Когда для всѣхъ свѣтило солнце — они скрывались отъ взора людей, а когда наступала ночь и затихала дневная жизнь — они выходили изъ своего убѣжища и крадучись бродили во мракѣ... Ибо ихъ считали мертвыми. Такъ проходили дни, недѣли...

Они бродили отъ города къ городу, отъ селенія къ селенію, каждый часъ дрожа за свою жизнь, скрываясь отъ людей и солнечнаго свѣта. Когда они оставили позади себя изгнавшую ихъ родину — для нихъ снова стало свѣтитъ солнце и день сталъ для нихъ днемъ и ночь стала ночью.

Къ нимъ вернулась жизнь и они стали жить!..

Но это продолжалось недолго!..

III.

Ихъ окружала кипучая трудовая жизнь, они жили среди свободныхъ людей и были сами свободны, имъ, наравнѣ съ другими, свѣтило солнце, а послѣ рабочаго дня ночь давала имъ безмятежный отдыхъ, — но все это было имъ чуждо, и не разъ зарботанный кусокъ хлѣба становился поперекъ горла, тяжелыя думы гнали сонъ и тоска угнетала ихъ души...

Но они, отецъ и сынъ, молчали объ этомъ — имъ было жаль другъ друга.

А оттуда, съ далекой родины, приходили

тревожныя вѣсти о кровавой борьбѣ, доносились глухіе раскаты разыгравшейся грозы.

Съ каждымъ днемъ становились мрачнѣе ихъ затаенныя думы, съ каждымъ днемъ нарастала тоска, и скоро свобода стала имъ казаться мучительной неволей, а хорошо вознаграждаемый трудъ — наказаніемъ... Какая-то могучая сила все сильнѣе и чаще звала, манила ихъ туда, — гдѣ лилась кровь братьевъ, гдѣ дымились пожары и гдѣ смерть своимъ страшнымъ плугомъ вспахивала землю и устилала ее могильными холмами.

Но они долго молчали объ этомъ — отецъ и сынъ.

Однажды ночью они признались другъ другу и утромъ покинули городъ.

Они возненавидѣли окружающую ихъ жизнь; они поняли, что тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы — нѣтъ жизни и что жизнь — борьба.

И снова начались скитанья, а день снова сталъ для нихъ ночью, и ночь стала днемъ. Они вернулись.

.....

Старикъ кончилъ и всталъ.

— Пора!

— Пора! повторилъ подростокъ и сверкнулъ своимъ единственнымъ глазомъ.

Я проводилъ ихъ.

Они мелькнули раза два предо мною и скоро скрылись въ снѣжномъ вихрѣ, который кружился съ глухимъ воемъ и взмывалъ сѣдыя волны къ черному беззвѣздному небу.

ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ.

К. Г. ГИМЕНКО. ГИМЕНКО. О ГИМЕНКО. ГИМЕНКО. ГИМЕНКО.

С. 1918-19

Гамаюнъ—вѣщая птица (по Васнецову).

Въ Прибалтійскомъ краѣ.

В и т я з ь.

По тропѣ, въ лѣсу дремучемъ,
Звонко брякая уздой,
На конѣ своемъ могучемъ
Бдетъ витязь удалой;
Онъ въ кольчугѣ и кафтанѣ,
У сѣла привязанъ лукъ,
За его спиной—въ колчанѣ—
Стрѣлъ каленыхъ цѣлый пукъ.
Тихо дрему навѣвая,
Борь таинственно шумить,
Тяжело впередъ ступая,
Конь испуганно храпитъ;
Трудно дышется въ неволѣ—
Въ этомъ сумракѣ лѣсномъ:
Онъ призывъ на бранномъ полѣ
Гарцовать подъ сѣдокомъ,
Съ буйнымъ вѣтромъ породнившись,
Вслѣдъ за нимъ летѣть стрѣлой,
Съ грознымъ недругомъ сразившись,
Отдыхать въ степи глухой!
Витязь мраченъ; словно тучей
Отуманенъ свѣтлый ликъ,
Головой своей могучей
Онъ въ раздуміи поникъ.
Пѣсня воли не поется:
Витязь сердцемъ изнемогъ,
Подъ кольчугой оно бьется,
Какъ израненный звѣрекъ.
Чѣмъ же всадникъ озабоченъ,
И смущается онъ чѣмъ?
Вѣрный мечъ его—отточенъ,
И горитъ, какъ солнце, шлемъ;
Никогда боецъ веселый
Не терпѣлъ сердечныхъ ковъ,
И не разъ ужъ мечъ тяжелый
Притуплялся о враговъ.
Но сегодня, въ полѣ чистомъ,
Острой, мѣткою стрѣлой
Имъ—подъ облакомъ волнистымъ—
Раненъ соколъ молодой...
Въ битвы тяжкія години
Много онъ враговъ разилъ,
Но ни разу безъ причины
Витязь крови не пролилъ.

И теперь она о мщеніи
Громо молить небеса!
Оттого, въ такомъ смущеніи,
Витязь прячется въ лѣса;
Оттого и борь дремучій
Такъ таинственно гудеть,
Оттого и конь могучій
Спотыкаячися идетъ.

Очи витязя горѣли,
Быль нахмуренъ свѣтлый ликъ,
А въ бору шептались ели,
И въ поляхъ свистѣлъ куликъ.

М. ОЛЬШАНСКІЙ.

М ы с л ь.

Тамъ, гдѣ черный, непролазный лѣсъ
Цѣлыми вѣками загромождалъ путь къ свѣту
и размножалъ хищниковъ, угнетающихъ
всю страну,—родилась Мысль.
Она родилась въ темную ночь, среди
спящаго народа.

Скоро почувствовали ея пробужденіе
хищники и стали ее преслѣдовать: они ви-
дѣли въ этомъ пробужденіи свою гибель.

Мысль будила сознаніе. Народъ, про-
сыпаясь, страховалъ съ себя вѣковую пыль.
Открытые глаза жаждали свѣта, но его не
было.

Мысль говорила: «прорубайте чашу—
тамъ, за густыми тучами черного лѣса—
сінеть свѣтъ; тамъ, впереди теплая страна
счастья».

Но мысль была еще слишкомъ слаба,
чтобы проникнуть въ глубокіе углы подзе-
мелья. Своимъ молодымъ лепетомъ она
только едва будила сознаніе. У молодой
мысли еще не было творческаго огня. И...
просыпающійся народъ съ открытыми гла-
зами блуждалъ среди мрака.

Насиліе висѣло надъ людьми и покрыва-
ло ихъ тѣла мучительными язвами.

Въ рудникахъ, въ темной, холодной про-
пасти народъ день и ночь скрипѣлъ жилами.

Насиліе отняло у людей волю, время и
изъ его богатырской силы сдѣлало источ-
никъ своего обогащенія.

Больно, холодно и темно было внизу...

Мысль открытыми глазами видѣла свѣт-
лое будущее, но она была достоинствомъ
только немногихъ обитателей высотъ.

Мысль росла и иногда разбрасывала во-
кругъ себя искорки, но они были такъ
ничтожны, что не могли освѣтить подзе-
мелья.

Не всегда блуждающіе огоньки этого
свѣта гасли безслѣдно: иногда они попа-
дали внизъ и тамъ зажигали мысль.

Порою онѣ долетали до высотъ. Оста-
ваясь наверху, онѣ старались внести свѣтъ
къ нижнимъ братьямъ, но насиліе разру-
шало ихъ свѣтильники.

Солнечный горизонтъ счастливаго утра
былъ только грезой поэтовъ; но жители вы-
сотъ не видѣли свѣтлаго будущаго. Народ-
ное счастье имъ было враждебно. Орудіемъ
ихъ—былъ гнетъ. Во имя своего раскрашен-
наго счастья они все глубже и глубже за-
пускали свои клыки въ хребетъ народа.
Внизу становилось тѣснѣй. Тяжело было
дышать. Воздухъ нагрѣвался. Обитатели
подземелья чаще теперь разгибали свои поз-
воночники и, со злобой смотрѣли наверхъ.
Они видѣли надъ собой насиліе; они слы-
шали звонъ золота, того драгоценнаго ме-
талла, который покупали цѣною своей жиз-
ни. Внизу былъ другой міръ, міръ мрака
и произвола, міръ отреченія. Здѣсь у лю-
дей на тѣлѣ вмѣсто кожи нарастала чешуя.

Когда люди задыхались въ сжатомъ воз-
духѣ подземелья,—они стонали.

Насиліе слышало этотъ стонъ. Онъ тре-
вожилъ его и оно еще плотнѣе навалива-
лось на стѣсненную грудь народа.

Насиліе уже ходило по нагрѣтой землѣ.
Внизу отъ страшной духоты загорались
сердца.

Холодно и безстрастно смотрѣли рудо-
копы на драгоценности, которыя отыски-
вали въ глубокихъ нѣдрахъ земли для сча-
стья своихъ порабощенныхъ. Въ брилліан-
тахъ и золотѣ они не видѣли красоты: на
все это они смотрѣли какъ на источникъ
гнета и страданія.

Въ мрачныхъ углахъ подземелій они про-
водили всю свою жизнь. Желѣзный молотъ
и стальной ломъ были ихъ единственными
друзьями.

Желѣзный молотъ разрушалъ все, что попадалось подъ его взмахъ: дробилъ мраморъ, разсыпалъ кварцъ.

Стальной ломъ громилъ подземелье. Въ крѣпкихъ мозолистыхъ рукахъ человека ломъ боролся со скалистыми скражинами. Открывая доступъ къ драгоценностямъ, онъ настойчиво пѣлъ о борьбѣ.

Человѣческая сила росла и скоплялась внизу.

Въ подземельяхъ происходили взрывы: это—зарождалась Мысль и ея жгучія искры зажигали сознание, летѣли кверху и тамъ воспламеняли сердца.

И страшное насилие дрожащей черной лапой зажимало трещины, но мысль яркими, свѣтлыми искрами обжигала ея бархатную шкуру и отвратительная лапа летѣла прочь...

Черный лѣсъ затрещалъ и освѣтилась даль: тамъ занималась яркая заря. Она манила къ себѣ Мысль такую же чистую, свѣтлую, какъ и она сама...

А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ.

Баллада.

Король сидѣлъ со свитой,
Какъ олимпійскій богъ;
Весь золотомъ залитый,
Сіялъ его чертогъ.
Изъ рога изобилья
Струей лилось вино...
Владѣтелемъ Севиля
Въ даръ прислано оно.
Изъ кованнаго злата
Приборы на столѣ,
Въ нихъ пряности Муската,
Растущія въ теплѣ.
И грозды винограда
Изъ дальнихъ южныхъ странъ
Обѣщаны въ награду
Тому, кто будетъ пьянъ...
И свита пировала
За золотымъ столомъ,
И кубки подымала
За королевскій домъ...
...Въ столицѣ собиралась
Голодная толпа
И съ шумомъ направлялась,
Звоня въ колокола.
Привратникъ испугался
И затрубилъ въ свой рогъ...
Никто не отозвался...
Былъ окруженъ чертогъ.
Народъ вошелъ въ палаты
И съ нетерпѣньемъ ждалъ,
Чтобы король безъ платы,
Голоднымъ хлѣба далъ.
Король сидѣлъ со свитой
Подъ сводомъ колоннадъ,
И на толпу, сердитый,
Онъ кинулъ пьяный взглядъ:
„Кто смѣлъ рабовъ надменныхъ
Впустить въ роскошный залъ!
Рубите дерзновенныхъ!“—
Онъ свитѣ приказалъ.
Но свита охмелѣла
Отъ крѣпкаго вина
И на возставшихъ смѣло—
Не кинулась она.
Толпа забушевала
И поднялась, какъ вальс...
И слѣдъ кровавый бала
Хранить роскошный залъ...

МАТВѢЙ МАЗЕЛЬ.

Опять!

Опять сгустилась ночь угрюмая надъ нами;
Сомкнулася толпа свинцовыхъ облаковъ,
И тьма холодная глубокими волнами
Дорогу облегла, какъ траурный покровъ.

Опять ни огонька, ни ласкового звука
Кругомъ и впереди; даль пропасти чернѣй;
Вновь жутко слѣлать шагъ, и тягостная мука
Въ груди измученной сильнѣе и сильнѣй.

Лишь вѣтеръ кочевой, какъ звѣрь пустыни,
мчится,
И чудится его неугомонный гласъ:

«Пусть все кругомъ уснетъ, покорно притаится—
Одинъ я властвую въ полночный этотъ часъ!»

О нѣтъ, мы не уснемъ! Ворчанію мятели
Не убаюкать насъ. Одна предъ нами цѣль.
Одинъ предъ нами путь—и, не достигнувъ
цѣли,

Кто сможетъ хоть на мигъ глаза свои
сомкнуть?..

И. Г.

Что рассказывали волны...

„Мы старыя волны, сѣдые, угрюмыя
волны холоднаго, какъ полярная ночь,
моря...“

Послунай, послунай, что мы тебѣ расскажемъ, путникъ!..

Долгіе дни, долгіе мѣсяцы спали мы
подъ ледяной корой и плакали тихо, какъ
дѣти...

Но оно приходитъ—ясное солнце, оно
раскрываетъ напу тюрьму, оно цѣлуетъ
насъ, и мы веселы тогда, угрюмыя, старыя
волны! Мы смѣемся, играемъ, убирая
головы бѣлой пѣной, мы поемъ пѣсню...
Онъ научилъ насъ этой пѣснѣ...
Ты его знаешь, путникъ? Онъ часто
приходилъ сюда и садился вотъ на
этотъ камень; а мы бѣжали къ нему
радостной толпой, мы играли, окутывали
его роемъ брызгъ, мы цѣловали его ноги...
А онъ съ грустной, свѣтлой улыбкой
смотрѣлъ на насъ...

Темныя, буйныя волны наши сестры,
обвивали его голову, а глаза его горѣли,
какъ наши гребни, когда въ нихъ купается
мѣсяцъ.

Мы любили его... Онъ долго, долго смотрѣлъ
на насъ и первый сказалъ намъ:
„Свободныя, счастливыя волны!..“

Мы не знали, что значить „Свобода“, но мы поняли его; о, мы поняли!
О ней говорилъ намъ сѣверный вѣтеръ,
о ней шептали ласковые лучи...

И онъ запѣлъ пѣсню о свободѣ... И мы
подхватили ее. А изъ его глазъ на наши
гребни падали свѣтлыя, горячія капли,
онѣ жгли насъ, и мы пѣли... пѣли:

„Мы старыя волны, угрюмыя волны:
„Мы робко стонали, отчаянья волны,
„Къ далекому свѣту, свободы не зная.
„Рвались, рыдая!
„Все ждали горячихъ лучей,
„Небесныхъ мечей!
„Но жгучія слезы страданья упали...
„Мы пѣснь свободной впервые внимали.
„Грозитъ намъ насилья тюрьма ледяная,

Но, страха не зная,
О! дѣти морей,
На битву скорѣй!

Veta.

* * *

Подальше ихъ, газетъ печальныя страницы!
Глаза утомлены, измученъ бѣглый взоръ—
Что вѣсть, то новыхъ жертвъ нѣмыя
вереницы,
Что слово, то ударъ, что строчка—то
позоръ...

Смотри—какъ глубоко уснули, притаились
На двѣ людской души достоинство и честь,
Какъ широко вражда и злоба воцарились,
Какой просторъ себѣ завоевала месть.

Безъ страха предъ людьми, безъ страха
передъ Богомъ
Встаютъ на брата брать съ отточеннымъ
мечемъ;
Въ угрюмомъ городѣ, въ селеніи убогомъ—
Повсюду брызжетъ кровь стремительнымъ
ключемъ.

Растутъ и въ ширь и въ даль подмостки
эшафота.
И Канны спѣшать, добычу имъ влача,
И все живѣй кипитъ кровавая работа,
Все торопливѣе удары палача.

И вторя палачамъ, ихъ одичалой страсти,
Могила ждетъ къ себѣ, зовутъ къ себѣ
гостей,

И падаетъ стремглавъ въ зіяющія пасти
За валомъ новый валъ и труновъ и костей.

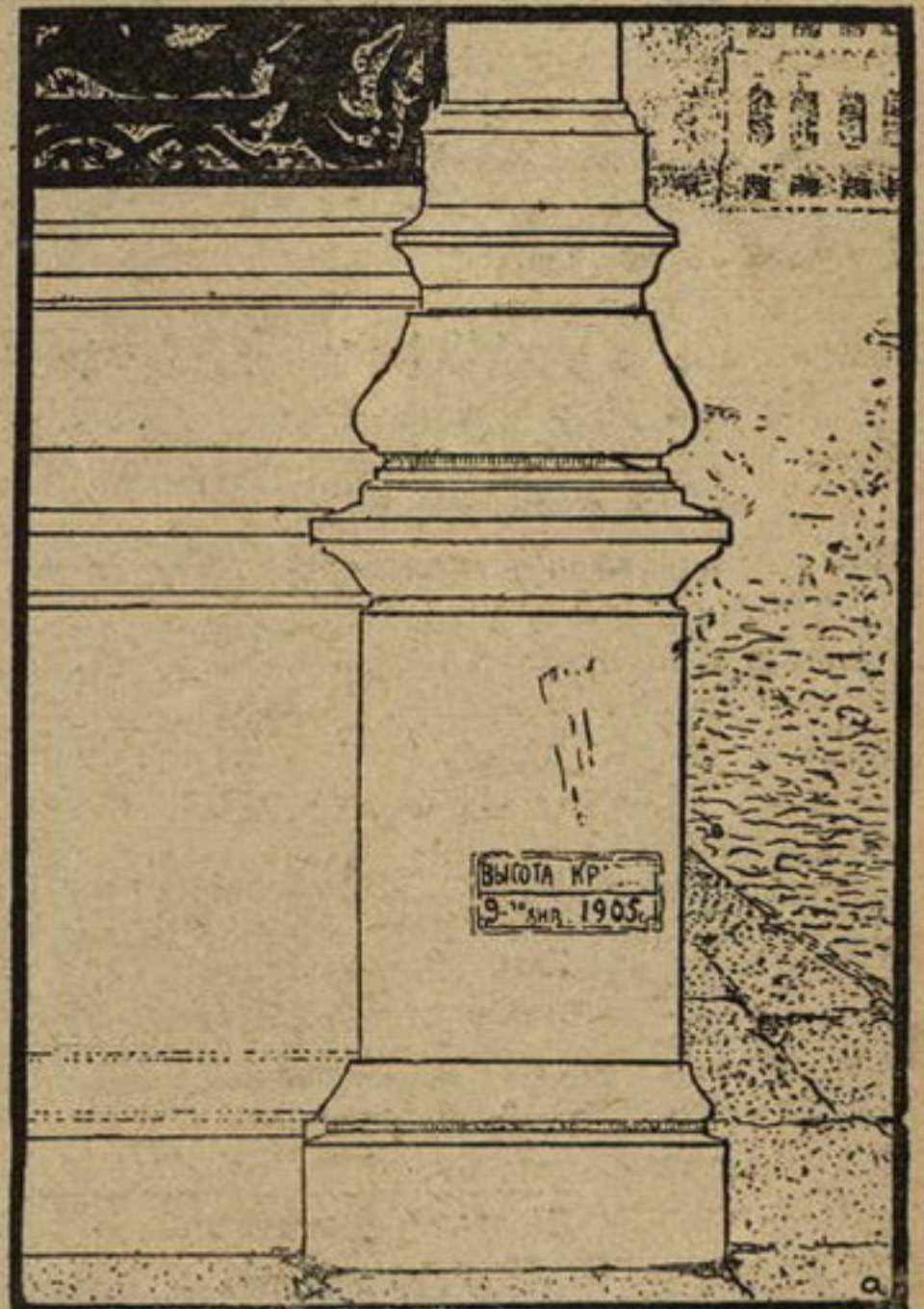
Кто слабъ—на вѣкъ погибъ; кто мощенъ—
торжествуетъ

И силъ рукъ своихъ хвалебный гимнъ
поетъ;

Пощады не проси—ея не существуетъ,
Забывшись крѣпкимъ сномъ, пощада
не встаетъ.

О нѣтъ, подальше ихъ, кровавыя страницы!
Кружится голова, измученъ бѣглый взоръ;
Что вѣсть—то новыхъ жертвъ нѣмыя
вереницы,
Что слово—то ударъ, что строчка—то
позоръ!

И. Г.

Къ предстоящимъ выборамъ.

Къ свѣдѣнію Із. авторовъ:

Рукописи въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ исправленіямъ; доставленныя безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Рисунки просятъ доставлять въ эскизахъ для совмѣстнаго обсужденія съ редакціей.

Для полученія письменнаго отвѣта необходимо прилагать почтовую марку.

Выдача гонорара производится по выходѣ каждаго номера.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ отъ 6 до 8 ч. ежедневно.

Адресъ Редакціи: Николаевская 2.

Ред.-Изд. Г. П. ЭРАСТОВЪ.

Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
на еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ

„БУРЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА БЕЗЪ ДОСТАВКИ въ СПБ.,

въ годъ 3 руб. | съ доставкой и пересылкой во всѣ города Рос.: Имп. 5 руб. | 1/2 года 3 руб.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала СПБ. Николаевская 42.

Редакторъ-Издатель Г. П. Эрастовъ.